

Петр Колосов

ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

Рассказы взрослого мальчика

Петр Колосов

**Запах счастья. Рассказы
взрослого мальчика**

ТД "Белый город"

2015

УДК 82.32
ББК 84(2)

Колосов П. А.

Запах счастья. Рассказы взрослого мальчика / П. А. Колосов —
ТД "Белый город", 2015

ISBN 978-5-485-00541-2

Перед вами рассказы о послевоенном детстве коренного москвича, выросшего в учительской семье. Они написаны в наши беспокойные годы, и в них не только воспоминания автора, но и во многом – его творческая фантазия, питающаяся впечатлениями прожитых лет. А детство было счастливым: в нём весна – не слякоть и дождь, а цветение садов, лето – бесконечное, а зима – сплошной праздник... Это рассказы для взрослых людей, взвинченных и уставших, написанные в качестве «спасательного круга», своеобразного противоядия. Их с удовольствием прочтут также молодые люди и подростки. Рекомендуется принимать ежедневно.

УДК 82.32

ББК 84(2)

ISBN 978-5-485-00541-2

© Колосов П. А., 2015
© ТД "Белый город", 2015

Содержание

Предисловие	6
Рассказы	7
Родом из детства	7
Урок музыки	10
Дурной переулок	14
По Большой Коммунистической	16
Бессмертник	18
Видал-мендал-мендалевич-мендалюха	21
Дождливое лето	22
День рождения папы	24
Стаксель	25
Пижма	27
Картина маслом	29
Звуки	30
Печка	32
Пимен	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пётр Колосов

Запах счастья. Рассказы взрослого мальчика

*Памяти моего любимого отца, Алексея Александровича Колосова
(1892–1972), математика, художника, музыканта, артиллериста.*

Рисунки Екатерины Ватель

Рисунок на фронтиспие Петра Колосова

© Колосов П.А., текст, иллюстрация, 2015

© Ватель Е.И., иллюстрации, 2015

© Издательство «ДАРЪ», 2015

© ООО ТД «Белый город», 2015

Предисловие

Вы взяли в руки эту книгу, дорогой читатель, и, конечно, задались вопросом: что в ней? Стоит ли перелистывать страницы и вникать в написанный текст?

На первый взгляд – это воспоминания пожилого человека о своём детстве, то есть вполне традиционная «senilia». Отчасти такое суждение верно, но только отчасти.

Начать с того, что, хотя любой рассказ основан на личных впечатлениях, многое в книге – плод творческой фантазии автора, и уж, во всяком случае герой рассказов – мальчик Петя – автору не тождественен.

Как же сочинялись эти рассказы?

Посмотреть на даты, поставленные автором в конце каждого рассказа, становится ясным: рассказы писались в беспокойные годы нашей жизни. Тревоги, беды, трагедии, потери, можно сказать, «выдавливали» из автора эти тексты в качестве противовеса, противоядия, «спасательного круга».

Воспоминания? Да.

Воспоминания о норме, о нормальной жизни, в которой «ничего не происходит», кроме восходов и закатов, цветения садов, бесконечно долгого лета и пушистой зимы... Ведь, если вдуматься, – каждый восход солнца значительнее, грандиознее всех походов Цезаря и Наполеона вместе взятых!

Конечно, в рассказах находят отражение некоторые исторические события, но они играют роль лишь удалённого от нормальной жизни фона, то есть занимают надлежащее им место.

Предлагаемые читателю рассказы – не детские, хотя написаны как бы в восприятии ребёнка. Они – для взрослых, взвинченных и уставших.

И последнее: рекомендация к применению.

Советую читать по одному рассказу после просмотра новостей.

Помогает.

Оставаться человеком.

В завершение книги рассказов помещены стихотворения автора. Они написаны в разные годы, но все – в XXI веке, и представляют собой поэтическое осмысление той же ушедшей навсегда эпохи.

С уважением и надеждой на сочувствие, автор.

16–17 июня 2015 г.

Рассказы

Родом из детства

Петя смотрел, как Лёня ел бутерброд с маслом (а на масло был насыпан сахар!). Это неприлично? Но, может быть, очень вкусно? Вокруг громоздились сугробы серого снега и переминались ребята, а у Лёни зимнее пальто с меховым воротником было расстёгнуто на нижнюю пуговицу, и всем своим видом он насмехался над Петей. Нет, хуже: он не принимал его во внимание, не учитывал. Петя помнил, что мать Лёни работала в домоуправлении и её прозвали Камбалой за то, что у неё не было одного глаза. Но как она потеряла глаз, Петя не знал. Главное же было не в этом. Главное было в том, что Петя не знал вкуса бутерброда с маслом, посыпанным сверху сахарным песком. Зато ему был знаком вкус ежедневного бутерброда с красной или чёрной икрой, которым его кормила няня. Бутерброд с икрой полагался к тарелке жидкой каши из детской муки неопределённого палевого цвета. Эта икра... паюсная чёрная икра! Она имела обыкновение задираться на бутерброде и, что самое противное, приклеиваться к зубам...

Лёня носил простой сатиновый галстук, линялый и завязанный кое-как. Пете хотелось такой же, но родители повязывали ему тщательно отглаженный шёлковый, неприятно алого цвета, да он ещё норовил забраться со стоячего воротника форменной гимнастёрки на шею, и приходилось его всё время поправлять. В конце концов бабушка пришла к воротнику крючочки, которые были призваны не пускать галстук на шею. Мама шить не умела. Эти крючочки (ну конечно, женские!) не остались без ребячьих насмешек.

Ещё Лёня был двоечник и очень гордился этим. Ох, как Петя завидовал этой недоступной гордости иного мира! – он, отличник, боявшийся троек, а двойки представлялись ему просто концом жизни.

В домоуправлении работала и Никанориха – таинственная женщина, которая родила мёртвого ребёнка. Об этом Пете рассказывала няня, когда они спускались в подвал двадцать четвёртого дома. Она показывала Пете стол, за которым сидела Никанориха, и Петя представлял старую женщину с маленьким гробиком, и хотел скорее выбраться из подвала наверх.

Весной парк заливала талая вода, и мальчики сооружали плоты и катались на них между кустов. Петя тоже катался, но боялся промочить ноги и очень завидовал Лёне, который смело ступал в глубокую воду, и заливал сапоги, и не боялся заболеть: вот счастье! О, как же ему хотелось пройти безоглядно по воде и промочить ноги, не обращая на это никакого внимания!

Многие ребята так и делали, тот же Игорь, что учился с Петей в одном классе. Он жил рядом с парком в красном кирпичном доме на третьем этаже. Он учился на тройки и всегда мялся, отвечая у стола учительницы. Дом, где жил Игорь, был похож на него самого. Почему? Этого Петя не смог бы объяснить, но чувствовал всем существом.

Когда играли в войну, Петя больше всего любил, объявив всем, что он в засаде, потихоньку уйти домой – и пусть его поищут! Сигналом к уходу служила передача «В братских странах социализма», начинавшаяся в 13 часов 10 минут (радио в парке не смолкало никогда).

Учился Петя во вторую смену, и после гулянья, перед школой, няня впахивала в него обед из трёх блюд. Папу и маму Петя видел только по вечерам, когда возвращался из школы. Уроки часто откладывались на утро. Нет, отличником Петя был до пятого класса, а потом съехал. Но мальчики почему-то всё равно считали его отличником, что было обидно и стыдно.

В октябре запустили первый спутник, и Саша, толстый, но при этом самоуверенный мальчик, подошёл к Пете с ехидным вопросом:

– Ты знаешь, что произошло?

Петя не знал, так как у них в семье чёрная тарелка репродуктора чаще всего была выключена.

– Ну, подумай умом отличника! – приставал Саша.

– Я не отличник, – пробурчал Петя, остро ощущая всю нелепость своего оправдывания.

Зато вечером они ходили с папой в тёмный переулок смотреть спутник. Он летел по зеленоватому небу и мигал.

Но больше всего хотелось лета и ехать на пароходе. Хотя летом надо было целый месяц жить вдвоём с бабушкой, строгой и жёсткой, которая заставляла вести дневник, читать книжки и бдительно следила за тем, чтобы Петя не пристрастился к детскому греху. Лето не наступало долго.

Зимой Петя катался с Лёней и Валерой на трамвае, стоя у кабины знакомого водителя, и замороженно наблюдал, как тот двигает ручку реостата. А потом они подкладывали на рельсы монеты, ложки и даже гайки и болты и ждали за деревом, как вагон подпрыгнет с грохотом и треском. Петя немного опасался, что их поймают, но про свои опасения никому не говорил. Их на этом не поймали.

Их поймали на другом занятии.

Как и кому пришло в голову бить лампочки о стену? Петя этого не помнил. Главное, лампочки были с вакуумом внутри, и потому разбивались с великолепным хлопком, почти как подожжённый водород на уроках химии. Лампочки, приносимые ребятами, скоро кончились.

Петя поначалу не приносил лампочки из дома, так как боялся папы. Но тут втянулся: ведь дома было много старых перегоревших лампочек, окрашенных папой в разные цвета. Папа их кисточкой раскрашивал, акварелью. Говорил: чтобы свет не был слишком ярким, чтобы не бил в глаза. Раскрасит и положит на батарею сушиться. Потом от люстры на тарелках были розово-зелёно-жёлтые круги. Петя старые раскрашенные лампочки (а иной раз и новые) потихоньку брал в карманы пальто и приносил, чтобы бить вместе с ребятами. Он даже гордился тем, что обеспечивает товарищей лампочками.

Как-то Лёня сказал, что, чем из дома таскать, лучше выкручивать везде, где найдём. Ну и стали выкручивать – в основном в подъездах. Валера, хотя и участвовал во всех этих делах, но больше рассуждал. Он был не по возрасту долговязым и нескладным, да к тому же в очках. Он ходил в зимнем пальто, с поясом, подвязанным чуть ли не у груди. Однако насмешкам одноклассников Валера не подвергался, и Петя с ним очень подружился. Мама Валеры, женщина в шубе из гладкого чёрного меха с подложенными по моде 30-40-х годов плечиками, наводила на всех тоскливый ужас: она всё время повторяла: «Мы, партийные!..» Папа Валеры служил милиционером. Вот эта мама, она постоянно ругалась с классной руководительницей: почему Валера сидит на последней парте, у него плохое зрение; почему у Валеры такая маленькая парта, она ему по росту не годится...

Однажды они увидели, что в лавке висит огромная, вероятно, 150-свечовая лампа. И дверь в лавку раскрыта. И никого там нету!

– Большая! Давай вывернем! – предложил Валера.

Вывернул Лёня. Петя стоял «на стрёме». Метрах в двадцати от лавки была глухая жёлтая стена. Ух как эта лампа взорвалась! И зачем они вернулись? Петя ещё на подходе заметил суматоху в лавке и понял, что надо смыться, но пошёл за всеми. Хозяин, увидав мальчишек, кинулся на них:

– Это вы вывинтили мою лампу?!

Валера дал дёру, а Петю и Лёню хозяин схватил.

– А ну, покажите, что у вас в карманах?!

У Лёни не было ничего. Зато у Пети в кармане лежали домашние раскрашенные лампочки, старые, перегоревшие.

– Ага! – заорал хозяин.

- Это из дома... они у меня из дома, они перегорели... – слабо оправдывался Петя.
- Из дома? Ну так веди меня к себе домой! – взревел хозяин.
- У меня дома никого нет сейчас, – пролепетал Петя.

Но его последняя надежда на высказывание из страшной ситуации была раздавлена хозяином:

- Тогда веди меня к своему приятелю!

Кругом царил оттепельная слякоть, ныли трамваи, сыпал снег попеременно с дождём... И Петя, преисполнившись «праведным гневом на их предосудительное поведение», повёл хозяйина домой к Валере, потому что Лёня тоже сказал, что у него все на работе. Дома у Валеры они застали только бабушку, хозяин что-то орал, потом все ушли.

Придя домой, Петя с трепетом рассказал обо всём папе. И стал плакать. И оправдываться. И снова плакать. На другой день мама Валеры звонила Петину папе и говорила о подлом поступке его сына и о том, что с этих пор Валере запрещено дружить с Петей. Некоторое время они действительно не дружили. Но вскоре переходный возраст всё стер, и они снова сошлись.

Через много лет Петя, уже будучи студентом первого курса, случайно столкнулся с Валерой у выхода из метро. Валера остался столь же долговым и нелепым, но при этом пошло рассказывал о своих отношениях с девушками и ожидал сочувственного восхищения. В это время у Пети ещё не было ни одной девушки, и он поспешил вежливо отделаться от Валеры.

Больше они не встречались никогда. Впрочем, как и с Лёней.

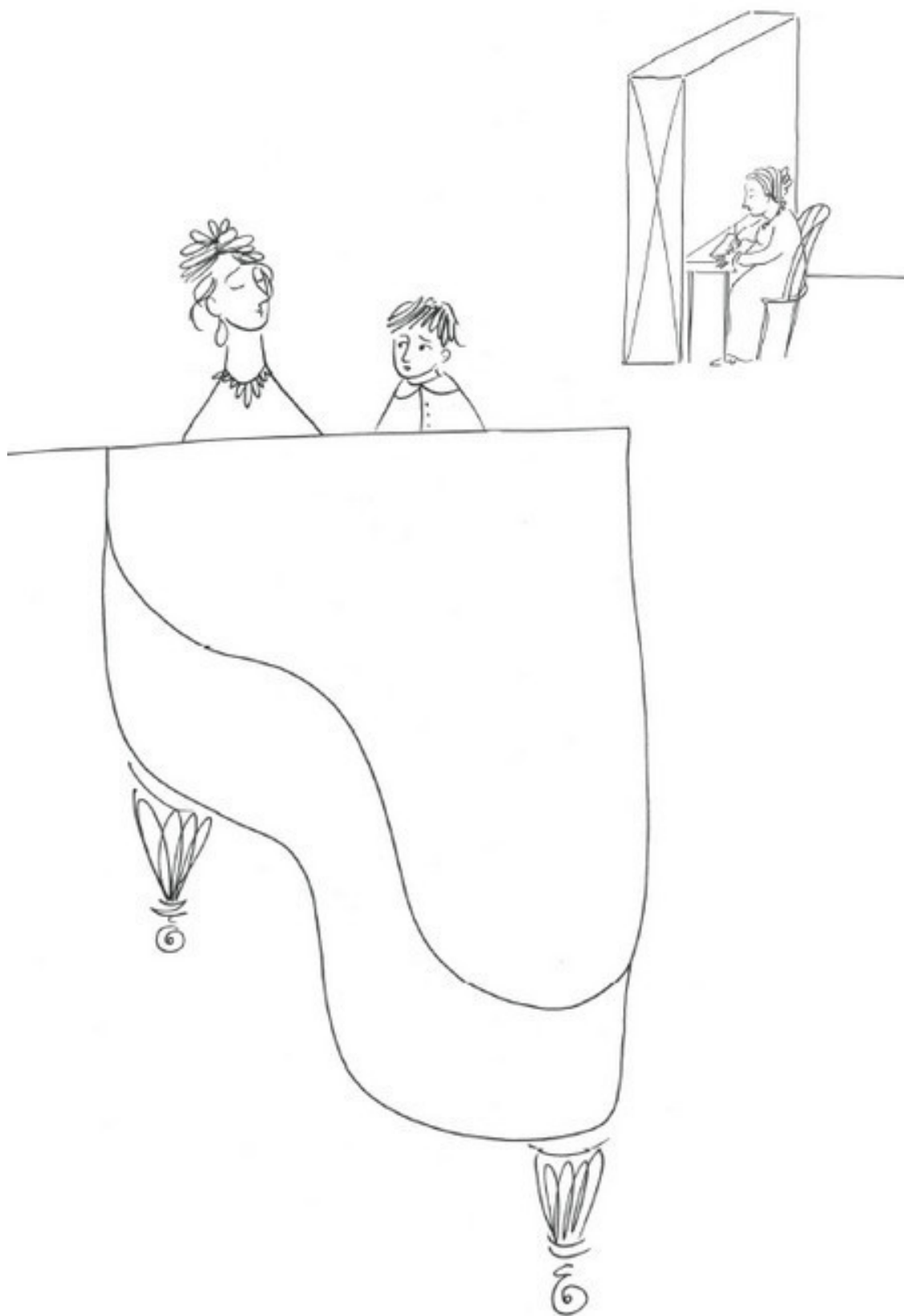
Но это всё было потом. А пока Петя с завистью смотрел, как Лёня ел бутерброд, посыпанный по маслу сахарным песком, и сознавал, что вкус этого бутерброда свободы он не узнает никогда.

20–21 июня 2013 г.

Урок музыки

Петя сидел, насупившись и чуть не плача от обиды на папу. Ведь папа, папа... он же так его любил, папа был главным существом в мире! А тут за какую-то ошибку в этюде Черни, – ну ладно, не за одну, да, он был сегодня невнимателен, – и вдруг папин крик: «Уходи из-за рояля! Больше не будешь играть!» И ещё: папа грубо закрыл крышку прямо на Петины руки. Нет, больно не было, просто Петя сопротивлялся как мог, хотел продолжать урок. Но папа крикнул негромко, но тем страшнее: «Я упорнее тебя!» – и с силой закрыл крышку рояля. И быстро вышел из комнаты. А Петя остался сидеть на круглой табуретке, сидение которой можно было поднимать и опускать с помощью красивого стального винта.

В хорошие времена Петя любил раскручиваться на этой табуретке... Рояль «Rud*lvach Sohn»... Ох, как пахли его клавиши из слоновой кости! С этим запахом у Пети ассоциировались звуки разучиваемых им пассажей... Но теперь были плохие времена. Что делать? Жизнь кончена? Как же теперь? Неужели он никогда больше не услышит папин смешливый голос и не увидит его улыбки под усами? Какой ужас... А задачки по арифметике? «А если папа... умрёт? Как я буду решать задачки?» – думал Петя.

Они почему-то часто ругаются с бабой Каней. Она кричит (Петя слышал!): «Вы привели мою дочь к себе на диван!» Хм... Ну, диван.

И что? Такой самодельный, с тумбочками по обеим сторонам, куда складывались картины в подрамниках, с ящиками внизу, с красивыми красными подушками, которые, когда Петя был совсем маленьким, были сизыми. На этом диване спал папа.

А мама спала на раскладушке рядом с роялем. И папа, если вечером работал над книгой или проверял домашние задания, то загоразивал лампу обложкой школьной тетради, чтобы свет не мешал спать маме.

Папа кричал бабе Кане: «Дядя Ваня стрелял в профессора!» Какой это дядя Ваня? И профессор, что – Леонидыч? Он профессор-кожник, это Петя хорошо знал. Именно Леонидыч сопровождал Петю к врачу Богоявленскому, чтобы вырезать аденоиды. Мама написала эту странную фамилию на деревянной линейке и рядом телефон, а Петя бритвой пытался выскоблить имя и телефон ненавистного врача, сулившего боль. Но до конца выскоблить не получилось... Потом аденоиды всё-таки вырезали. Летом. И пичкали мороженым, а его и не хотелось совсем! Да...

А завтра придет Эсфирь Иосифовна, учительница музыки, в ботиках прямо со снега, такие следы остаются на паркете! Она будет подпевать Петиную игру, нервничать, выговаривать Пете: «Петенька, ты же не дурачок? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!» И маме за шкафом: «Ириночка Викторовна, что это там у вас скрипит?»

А мама записывала в тетрадь все реплики Эсфирь Иосифовны во время урока, даже её пение («ля-ля-ля»). Мы потом читали и хохотали. Скрипело перо, воткнутое в оранжевую самодельную деревянную ручку, подаренную маме её учениками. На ручке красовалась надпись «Орловская И. В.» Перо же было № 86. Были перья и № 11, но это считалось слишком вызывающим для школы. Почему – Петя не понимал.

У Эсфирь Иосифовны очень смешная фамилия: Кран! Надо же выдумать такую фамилию! Кран – это наш жёлтый медный кран в кухне. Он один. Из него только наливают воду, а посуду моют на столе в миске. Эсфирь Иосифовна никогда не раздевается и не снимает ботишков, несмотря на осторожные предложения мамы и папы. Но учительница она очень хорошая, Петя слышал, как говорили взрослые: «Эсфирь Иосифовна, конечно, прекрасный педагог...»

Зато на новогодних каникулах занятия отменялись! Ура! Можно было два дня не играть на рояле по полтора часа! Ещё можно было не играть, когда умер Пал Сергеич – сосед по квартире, и Петя втайне радовался неожиданным каникулам. Пал Сергеич жил за стенкой той части комнаты, где спал Петя. Раньше он играл на гармошке и пил, а все пели «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...» и «Шумел, гремел пожар московский», а потом заболел раком (опять странное название!) и весь день кричал, наверное, и ночью, но Петя не слышал. Когда Пал Сергеич умер, Мариванна, его жена, «голосила», то есть что-то кричала нараспев. Взрослые объяснили, что так надо. А зачем?

Вот ещё: рояль-то был «тяжёлым», то есть механика его работала от сильного нажатия на клавиши (это Петя понял много позже), но все – и родители, и учительница, – хвалили такую «тяжесть» рояля, которая развивала моторику пальцев, и играть на иных, более «лёгких»

инструментах было бы легко и просто. В этом Петя смог убедиться в девятом классе, играя в Доме Учителя на рояле фирмы «Steinway», который, как показалось ему, звучал несколько стеклянно и поддавался пальцам слишком легко.

На том концерте еврейка-музыкантша успокаивала Петю (хотя он вовсе и не волновался): «Удел всех артистов – ждать!» Но Петя ждал не своего выступления, а того вожаемого момента, когда ученица Надя Бузенкова из 10 класса, то есть на год старше (!), которая нравилась Пете до самозабвения, начнёт читать письмо Татьяны к Онегину. Читала Надя отрывисто, как-то не так, как привык внутренне слышать Петя, но влюблённость покрыла всё. Они ещё с Борькой ходили вниз от Таганской площади к дому Нади, и видели её в окне первого этажа... О, какое юное сладострастие!.. И Петя готов был полюбить и подругу Нади – Зою Грибовскую, которая всегда на переменах ходила с Надей под руку. Петя прозвал её «адъютант».

На переменах полагалось прохаживаться парами по коридору. Однажды Петя услышал: «...но он такой стеснительный мальчик!» Эти слова сказала его Надя! Про него! Какой ужас! И какая сладость: он существует для Неё! В этом её «но» заключалась вся огромная надежда. На что? Петя не смог бы сформулировать, но ощущал надежду всем своим существом.

Запах клавишей рояля «Rud*Ibach Sohn» исчез после ремонта. Но это случилось позже, гораздо позже, чем то время, когда Петя разучивал этюды Скрябина, которые ассоциировались у него с удивительной девушкой в клетчатой ковбойке из параллельного класса – вместе с ней они ездили на Поля орошения в теперешнем Марьине. Имя её Петя забыл, зато хорошо помнит Игоря Суханова, легко поднимавшего носилки с дерьмом двумя руками, чего Пете не удавалось. С этой девушкой Петя так и не познакомился, особенно после того, как он увидел её с противным пошловатым парнем на очередном школьном вечере.

Папа ходил на улицу прогуляться. Вернулся остывший и немного безразличный.

– Давай учи! Выстукивай! Завтра...

Петя поиграл немного, но как-то не игралось.

Завтра приходила Эсфирь Иосифовна Кран, поворачивала два раза вертушку звонка, на котором была отлита надпись «Прошу повернуть!», вваливалась на паркет в промоклых ботиках, и начинался урок, цель которого для Пети заключалась в его окончании.

4 декабря 2013 г.

Дурной переулоч

Чик-чак, чик-чак, чик-чак... Сквозь сон слышит Петя метроном правильного времени. Радио включила мама. Ей тоже идти в школу к первому уроку.

– «Последний короткий сигнал даётся в семь часов по московскому времени!» – вещает чёрный репродуктор.

Вставать пора... но не хочется! В школу, в школе, из школы... хфух... ещё бы поспать...

Но баба Каня подходит, сдирает одеяло и вытирает мокрой, смоченной в солёной воде тряпкой всего Петю, начиная с ног.

– Аааааааааааааа!..

Это делается ради закалки Пети.

По радиотрансляции звучит начало «Пионерской зорьки»:

– «Здравствуйте, ребята! Начинаем...»

НЕНАВИЖУ!!!

Нет, Петя ненавидит вовсе не «Пионерскую зорьку», а мокрую солёную тряпку...

Но потом как-то всё устраивается: высокий белый кофейник, бутерброды с красной икрой, манная каша или каша из детской муки. А перед тем – поход в кухню на умывание. Здесь надо соблюсти очередь: ведь жильцов двадцать один человек! А школьников?! Петя выходит в кальсонах. И это вызывает негодование Славы, юноши уже призывного возраста, который иронически замечает: «Культура!..»

Да, но если полностью одеться и потом полностью раздеться, чтобы потом опять полностью одеться в школьную форму! С галстуком! И что, всё это ради Славы?!

Но осадок стыда остаётся и гложет Петю ещё несколько дней.

И ещё. Ну что это за привычка у мамы: засовывать резаную газету в мешочек, висящий на боковой двери туалета, выходящей на кухню?! И именно тогда, когда Петя там, в туалете, сидит!

А «Пионерскую зорьку» Петя слушал всю до конца во время завтрака.

Дорога до школы была никакая. Петя её не помнил. А в школе было много того, что привлекало – нет, засасывало, – Петю. Например, Люба Труханова, с которой Петя сидел за одной партой. Люба была татаркой, а отец её пил... Но Петя так быстро сдружился с человеком-Любой, не с девочкой, а именно с человеком. Они так любили друг друга, вовсе не осознавая своих чувств. Любили без примеси сексуального вожделения. По крайней мере, со стороны Пети.

На переменах Петя истово носился по школьному коридору и приходил на урок весь в поту. За что получал запись в дневник от Софьи Васильевны: «Пришёл на урок красный и потный». Но папа не обращал внимания на эти записи. Особенно это касалось весеннего и осеннего времени, когда гулять младшие классы на большой перемене выпускали в школьный двор, и нянечка перед началом следующего урока выходила с колокольчиком в руках и всюду звонила...

Во втором классе Пете сказали записаться в школьную библиотеку. Петя этого понять не мог: ведь у них дома была огромная библиотека в несколько тысяч книг. Но пришлось записать-с я. И первой книжкой, которую Пете выдала библиотекарша, была тоненькая книжечка о Павлике Морозове, правда, в твёрдом переплёте. Петя прочитал её и даже плакал, когда Павлика убивал его дедушка. Впрочем, на этом знакомство Пети со школьной библиотекой закончилось, потому что папа написал классной руководительнице записку, что, дескать, у них дома много книг и Пете вполне этого хватит.

Потом мальчики из других классов рассказывали, как их учительницы велели им открывать первую страницу учебника и вырывать портрет Сталина... Но Петя такого не испытал.

В пятом классе, когда изучали историю древнего мира, Пете пришлось худо: надо было отвечать хронологию, а она, как нарочно, начиналась от Рождества Христова! Но сказать такое было нельзя. Учитель истории, Израиль Григорьевич Гордин, как-то обходил этот вопрос. Но Петя обойти не смог и сказал: «Первый год – это год рождения Иисуса Христа... которого... не было». И Пете стало страшно вдвойне: и потому что он сказал, что Христа не было, когда знал, что Он есть, и потому что он таки назвал Имя Иисуса Христа, что было запрещёно. Однако Израиль Григорьевич пропустил весь пассаж мимо ушей.

А через год, о, что случилось через год! Израиль Григорьевич вошёл в класс и сказал: «Зовите меня теперь ИЛЬЯ Григорьевич». «И зачем это? Какая разница? – думал Петя. – Вот у нас же ведёт географию Анна Павловна Ханина, она не меняет ничего...»

В шестом классе Петю со всеми перевели в соседнюю школу, а ту, где он учился, сделали школой для умственно отсталых детей. До революции в этом здании была женская гимназия, и некоторые соседи по коммуналке, где жил Петя, учились в этой гимназии. Во время революции в помещении гимназии выступал Ленин, о чём было написано на доске возле дверей школы. Да, переулок, в котором располагалась школа (бывшая гимназия), назывался Товарищеский, но до революции он был Дурной переулок, так как там жили воришки...

В конце Товарищеского переулочка, который упирался в церковь Сергия Радонежского, жил Миша Сыромля, белокурый мальчик ангельской красоты (Петя каким-то образом понимал это уже тогда!). Он нравился Пете, и они даже сидели некоторое время за одной партой, и есть фотография их вдвоём у длинной чёрной доски с мелом в руках, якобы во время решения задачи. У Миши Сыромли была только мама, страшно похожая на него, и он болел за «Динамо», а не за «Спартак». Пете все эти «болезни» были безразличны, так как он не ощущал никакой разницы между «Спартаком» и «Динамо». Подумаешь...

«А в церкви Сергия крестили моего папу, он сам рассказывал, – иногда вспоминал Петя. – А вниз по Ульяновской я родился в родильном доме имени Клары Цеткин, так красиво! И мама рассказывала, что когда она меня рожала, то медсестра пела, и мама подумала: наверное, ребёнок будет музыкантом...»

9 декабря 2013 г.

По Большой Коммунистической

Дом культуры Метростроя.

Далеко.

Надо идти всю Большую Коммунистическую, потом мимо церкви Сергия (где крестили папу! и где живет Миша Сыромля), через мост с трамвайной линией, где направо Андрониковский монастырь, подновлённый, выбеленный, но пустой, и вдали – железнодорожный мост через Язу с крутыми арками пролётов (арки вызывали у Пети сладострастное восхищение).

Шли сосредоточенной гурьбой, потому что предстояло играть роли: кому с горном, кому со знаменем, кому с барабаном, а кому просто петь «Интернационал».

Районный пионерский слёт.

Пете было непонятно, почему это мероприятие называется «слёт», может быть, лучше – сход? Но интеллигентные мысли быстро испарялись, когда Петя видел шедшую впереди Наташу.

В ДК шумно расселись и галдели, но дружно смолкли, когда раздалась барабанная дробь и фальшивый звук горна. Внесли знамя пионерской организации района. Все его встретили, стоя в пионерском приветствии, то есть подняв правую руку, согнутую под углом. Это было здорово! И Петя аж привстал на цыпочки, и вовсе забыл о Наташе, которая сидела на один ряд впереди.

Потом запели «Интернационал», и Петя тоже пел, и ему даже захотелось плакать: предательски защипало в носу – настолько ему нравилась музыка, а больше – тот душевный подъём, ради которого человек может пойти на любое преступление. Таких умозаключений Петя не делал, но плакать хотелось.

Дальше были какие-то выступления, рапорты, их никто всерьёз не слушал... Петя упёрся взглядом в Наташину спину в коричневом школьном платье и праздничном белом фартуке сверху. Наташе было явно жарко, и она спустила фартук с плеч, и всё что-то говорила, говорила подружке слева, так быстро... А Петя, наклоняясь, пытался подслушать их разговор, но почувствовал лишь волну исходившего от Наташи молодого девичьего запаха. Эту волну, этот запах он запомнил на всю жизнь. И влюбился, глупо, с провалами в огненное малиновое смущение... но влюбился!

После торжественной части давали кинофильм «Подвиг разведчика». Фильм был хорош («За победу!» – «За НАНТУ победу!..»). И в темноте зала Пете удалось прикоснуться к Наташиной разгорячённой спине так, что она не заметила...

А потом шли уже весёлой и беспечной гурьбой по Большой Коммунистической мимо храма «Святого Мартина Исповедника» – эта оставшаяся с дореволюционных времен надпись на южном фронтоне сохранилась, и Петя её всегда читал. Наташа скакала через весенние лужи с подругой впереди, Петя шел сзади и обмирал от восхищения и от любви.

Через два дня Петя заболел, простудился. Во время болезни он много думал о Наташе и решил, что она, Наташа, – его любовь на всю жизнь. Поэтому, и в знак своего решения, он нацарапал на чёрном пластмассовом пистолете её имя и фамилию, а когда вернулся в школу после болезни, то написал Наташе записку...

Нет, не так было. Сначала Наташа, конечно, обратившая внимание на влюблённого мальчика, подумала, что он заигрывает с её подружкой, и бросила на перемене Пете записку, в которой значилось: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь!» На что Петя немедленно ответил на якобы английском: «I like only you!» (слова «love» Петя не знал, его в школе не проходили). И вот (ну, этого Петя уж никак не ожидал!): Наташа положила его записку на стол учительнице. Поплыли какие-то намёки на вызов родителей... и прочая тоскливая муть.

Ну и ладно... Наташиным длинногубым ртом хорошо произносить «киш-миш», а Светиным бантичным ротиком – «изюм»...

Через несколько лет Наташа, переведшаяся к тому времени в другую школу, пришла на встречу класса. Она много курила, смотрела на Петю мохнатыми глазами, но ему было уже всё равно.

12 декабря 2013 г.

Бессмертник

День рождения у бабушки бывает всегда 31 мая. Это Петя хорошо запомнил. Значит, бабушка родилась во время каникул, когда все живут в Сорокине. Занятия в школе заканчиваются 15 мая, и Петя с папой сразу уезжают в Сорокино! Ура! На пароходе! Пароход «Коккинаки» отходит в 9 часов 15 минут вечера. Как раз солнце садится на той стороне Химкинского водохранилища, где есть такая взлётная полоса для гидросамолётов, их называют «гидры». Полоса уходит в воду. И «гидры» потом летают над водохранилищем и садятся на него с ревом и брызгами! Они выкрашены в красный и синий цвета и взлетают с воды – так здорово!

На пароходе «Коккинаки» надо ехать долгодолго, зато сидения мягкие, но низкие: чтобы посмотреть в окно, надо встать. Только смотреть-то не на что: тьма. До причала надо добираться сначала на 46-м автобусе, потом от «Павелецкой» на метро до «Аэропорта» (там ещё такие красивые ажурные вывески), потом на троллейбусе уже до Северного речного порта. Как же он красив! С гербами наших республик! И затем – на пароход... Сначала пристань «Левобережная», но она почему-то справа, папа объяснял, но Петя не очень понял: какие-то течения из Волги в Москву-реку. Хм... Волга? Это ж так далеко... За «Левобережной» – остановка «Дубовая роща». Здесь уже совсем темно, только чуть светится заря и чернеют дубы. В «Дубовой роще» заводят иногда страшный мотор. Он ревет так, что в Сорокине слышно, и потом в небо поднимается облако оранжевого дыма. Папа говорит, что это испытания. После «Дубовой рощи» – бесконечный путь до «Водников», мотор парохода шумит и хочется спать... Слева чуть видна надпись, выложенная белым камнем: «ГЛУБОКАЯ ВЫЕМКА». Берег высокий и загораживает всё небо. Папа говорит, что канал строили заключённые. Петя спросил: «Они плохие, да?» Но папа ничего не ответил.

Наконец, «Водники», «Хлебниково», «Троицкое» и «Чиверёво»! Красная кирпичная часовня на берегу, прямо возле причала. Там склад. Вот матрос убрал трап, пароход отчалил и вышел на простор Пироговского водохранилища! Ночь.

Чуть светятся огоньки в Осташкове. Церкви не видно, но Петя знает, что она там. Мимо Бухты Радости, залива со старым кладбищем на мысу и старыми берёзами – Сорокино! По трапу, который придерживает матрос, на берег с папой за руку. По узенькой тропинке между домами вверх, а дальше привычной дорогой домой. Темно – хоть глаз выколи! Мимо «пяточка» (это где танцуют по выходным, такое вытопанное место у огромного раскидистого дуба), мимо деревенской школы, направо в калитку, оставляя огромное картофельное поле слева (Иван Назарыч будет его пахать на лошади!) – домой. Там ждет бабушка с оладьями и чаем. Оладья толстые, горячие, вкусные! Папа о чём-то серьёзно говорит с бабушкой, и после чая все ложатся спать.

В 11 вечера папа тихонько слушает последние известия, а Петя лежит в смежной комнате и смотрит на скучно качающийся маятник старых часов, на икону Гурия, Самона и Авива в углу и не замечает, как засыпает под уверенный голос диктора: «...наш корреспондент передаёт из Темир-Тау...».

Утром папа уезжает с первым пароходом в 5 часов 40 минут, когда только-только рассветает. У папы ещё занятия в старших классах и потом экзамены. У мамы тоже. Так что Пете с бабушкой жить вдвоём целый месяц...

Утром, когда папы уже нет, Петя завтракает с бабушкой кашей, бутербродами и кофе. Бабушка презирает обычный кофе, называя его «брандахлыст», и заваривает себе отдельно: крепкий и с цикорием. Зачем цикорий и что это такое, Петя не знает, но и не спрашивает.

Г

Ох, если бы после завтрака бабушка отпускала гулять, играть с рыжим котом Васькой, гоняться вместе с ним за курами... Нет же! Надо садиться и писать дневник, а ещё хуже – читать дурацкую книжку Свирского «Рыжик». Тоска! Там какой-то Полфунта, циркачи, клоуны. И читает Петя плоховато, и бабушка сердится. Когда эта книжка кончится? Наверное, никогда.

Зато 31 мая чтение отменяется! И дневник отменяется! У бабушки день рождения. Она рассказывала Пете о цветке, который называется «бессмертник», и ещё о белом клевере «кашка».

И Петя представляет, что белый клевер, пахнувший так трогательно (он растёт везде-везде по опушкам), – как раз и есть бессмертник.

Вот, думает Петя, нарву много этих бессмертничков и подарю бабушке на день рождения. Может быть, ей понравится? Надо ещё нарисовать и написать поздравление. Что писать? Главное – без ошибок, а то бабушка рассердится.

Он сам мог бы сходить за цветочками, но бабушка его одного не пускала. Пришлось идти с ней и рвать клевер кашку при ней. Но уж рисунок Петя сделал втайне.

Он нарисовал «гидру» на воде с волнами и написал: «Миля баба Каня! С днём рождения!» Прочитав надпись, Петя похолодел: целых ДВЕ ошибки! Что будет!.. Но, к удивлению Пети, бабушка осталась очень довольна и всё повторяла: «Как ты хорошо написал: “Миля

Каня!”» Ну разве можно понять, когда хорошо, а когда плохо?!

Бабушку зовут Клавдия. Пете сказали звать её «Кланя», но у него никак не выговаривается буква «л» и получается: «Кваня». А тут Петя ещё пропустил букву! И что же? С тех пор, с того дня рождения имя «Каня» так и прилепилось к бабушке. Ух, эта буква «л»! Нельзя сказать «лодка», – выходит «водка»! Водку пьёт Иван Наза-рыч, а Марьстепанна его ругает, а то и бьёт...

Скоро приедет папа! И мама. Она сейчас пропалывает лук в Текстильщиках с учениками старших классов. Будем с папой ходить купаться по утрам и в лес. Баба Каня уедет в Москву. Будет долгое-долгое лето, с жарой, с грозами, такими страшными, и папа будет легонько отодвигать занавеску на низком окошке и говорить:

– Нет-нет, эта уже проходит, разъяснивает...

16 декабря 2013 г.

Видал-мендал-мендалевич-мендалюха

– Видал-мендал-мендалевич-мендалюха! – громко и весело приветствует дачников Яков Давыдыч. Он хорош: в кожаном пальто, в очках и с зонтиком! Что означают эти странные и такие смешные слова, Петя не знает, но главное – сразу становится весело и празднично.

Яков Давыдыч – врач, он приезжает из Москвы на выходные. И, когда он приезжает, сразу поднимается шум, как от ветра, и мама и тётя Галя накрывают стол на террасе. И выходит папа в своей вечной красно-коричневой тубетейке, и смеётся одними глазами, они такие тёмные, Петя потом узнал, что такие глаза называются карие. Хм... «карие»... как-то не очень, как у лошади. А папины глаза не «карие», а весёлые, и ещё у него усы, и щетина на щеке. Чтобы папа обратил внимание на Петю, вместо того чтобы бесконечно беседовать с Яков Давыдычем и Геннадием Антоновичем, Петя хватает его рукой за щетинистую щеку и поворачивает к себе. Папа даже не сердится, а смеётся и... продолжает беседовать со взрослыми. Ну и ладно. Петя смиряется с папиным невниманием, берёт бабочку на длинной палке с колёсами, которая машет железными крыльями, когда едет по дорожке, и идет гулять с Зоей во двор. Бабочка-то на самом деле Зоина, и Петя взял её без спроса. Зоя обижена: «Зачем ты взял мою бабочку?» – и её глаза, тоже карие, но большие, гораздо больше папиных, наливаются слезами. Петя на мгновение отвлекается от бабочкиных крыльев и глядит на Зоины глаза: «Ух ты, какие огромные!» – думает Петя.

– На, играй! – бросает он Зое и бежит на террасу, но почему-то видит перед собой не ступеньки, не белые тазы, выставленные сушиться на приступке, а Зоины чёрные кудрявые волосы и глаза.

В полдень, когда солнце жарит всюду, все идут в лес, а через лес на шоссе. Но сначала проходят мимо сосны-лиры, так папа её называет, потому что он говорит, что её раздвоенный ствол похож на лиру. Петя знает, что такое лира, но играть на ней, наверное, скучно, так как совсем мало струн, не то что на рояле в Москве!

Зато на шоссе начинается самое интересное: Петя снимает сандалии и папа разрешает ему шлепать босыми ногами по асфальту! Вот это удовольствие! Какой нежный асфальт! Не то что дорожки в лесу с сосновыми иголками, по которым папа тоже велит бегать босиком. Машины ходят по шоссе редко, и можно вдоволь набегаться.

Папа снимает Петю и на шоссе, и возле сосны-лиры. У папы аппарат «Кодак», такой смешной: он выдвигается вперёд, и всё в нём вверх ногами! А плёнку в него можно заправлять на свету, потому что сначала идёт такая красная бумага, на которой в конце нарисован палец, и когда видишь этот палец, то надо аппарат закрывать, чтобы не засветить плёнку.

Вечером сыновья тётки Сони зовут Петю в шалаш. Они его сами построили. Надо залезать в узкое отверстие, и это страшно, но Юра смеётся, и Петя лезет, хотя без всякого удовольствия. Тётя Соня снимает в соседнем доме с бабой Верой, дядей Жоржем и тремя сыновьями. Тётя Соня всё время посмеивается, баба Вера очень старенькая и мудрая (так все говорят), зато дядя Жорж – он великий человек: он делал кремлёвские звезды, красные, которые ночью горят!

В понедельник все уезжают: папа с выцветшим зелёным рюкзаком за плечами и с Яков Давыдычем, дядя Жорж ковыляет с палочкой по тропинке... Остаются мама, тётя Галя, Петя и Зоя. Делается так тихо, что слышен перестук колёс поездов на железной дороге и далёкие, грустные гудки паровозов.

17 декабря 2013 г.

Дождливое лето

«Льёт и льёт. Льёт и льёт. Ну, каждый день льёт дождь. Грязь стоит непролазная. Ноги разъезжаются. А хозяйка идёт в сапогах с бидоном молока и улыбается мне в окно. Ей хоть бы что! Такое лето, ужас... Когда же приедет папа? Локти на подоконнике устали, и глаза слипаются смотреть на дорожку: вдруг папу пропущу?» – полусонно думает Петя и в конце концов засыпает, и мама относит его в кровать.

А когда просыпается, то – ура! – папа уже приехал! Петя слышит его голос на терраске и позвякивание чайной ложки в стакане с чаем. У папы такой большой круглый стакан и в подстаканнике. Говорят, подстаканник серебряный. И что? Он на самом деле какой-то серенький с чёрными пятнышками. Петя видит сквозь занавеску необычный жёлтый свет. Он привстаёт на кровати, легонько отодвигает занавеску: солнце!

Папа берёт Петю из кровати в одних трусиках и несёт на завалинку, туда, где много солнца. Они там сидят пятнадцать минут и ловят какие-то лучи, чтобы Петя закалялся и не болел зимой. Папа говорит, что эти лучи бывают только по утрам. Зато клевачий петух всегда ходит около Пети, смотрит искоса и хочет клюнуть за голую ногу. Он однажды и клюнул! С того раза Петя его очень боится.

Днём все идут на речку. Там есть ива в пять обхватов! Петя становится с одной стороны ивы, папа с другой, мама берёт Петю за руку, и все обнимают иву, но до папиных рук не дотянуться: такая толстая ива! Папа её нарисовал в блокноте.

А на той стороне жёлтый длинный дом, который называется «санаторий». Туда не пускают, но в заборе не хватает одного чёрного прута, и если пролезть, то можно погулять по парку, потом пройти через лес к другой деревне, где живёт Иван Сергеич и есть колодец «журавль» с длинной-длинной жердью, к которой привязано ведро.

На другой день дождь принимается снова, и у папы «простреливает поясница»: он ходит согнувшись и говорит, что у него «прострел», потом лежит на кровати в узкой комнате с одним окном и через день уезжает в Москву. А спустя неделю мама с Петей тоже перебираются в Москву, так как вечный дождь и слякоть терпеть невозможно!

Дождливое лето плавно переходит в осень. Папа с мамой каждый день уходят в школу, и Петя остаётся дома с няней Феней и бабой Саней. Феня занимается стиркой и готовит обед. Она так смешно говорит: «Глаза страшат, а руки делают!» Папа говорил, что Феня – «старабрядка», странное слово, что оно значит, Петя не спрашивает. С бабой Саней хорошо играть. Она такая большая, в кофте с перламутровыми пуговицами и с палочкой. Баба Саня любит играть в поездку на юг на поезде с паровозом. Петя садится на подушку за её спиной и изображает машиниста, а баба Саня – кондуктора и кричит не своим голосом:

– Тула! Тульские прянички! Орёл! Орловские яблочки!

Баба Саня помнит взятие Плевны. Она тогда была маленькой девочкой и приговаривала: «Плевну взяли – яблоков купили!» Баба Саня рассказывает Пете про Скобелева и про своего умершего мужа, Петра Ивановича, начальника

Нижегородской железной дороги. Она говорит, Петрываныч был очень добрый и весёлый и очень любил бабу Саню.

Так проходит осень. Наступает зима. А там и Новый год! Баба Каня дарит Пете на Новый год большую книгу «Круглый год». Она коричневая, с картинками и очень вкусно пахнет. Ее достала подруга бабы Кани Ольгыванна, которая работает в библиотеке Ленина! Петя открывает первую страницу. На ней нарисована девочка, она складывает из кубиков слова.

Баба Каня строго спрашивает:

– Прочитай, что у девочки вышло, какое слово?

Легко сказать, прочитай...

- «Т» и «а» будет... «та». «Л» и «и» – «ли»? Правильно?
- Читай, читай дальше! – наклоняется к Пете баба Каня. – Какая последняя буква?
- «Н», да?
- А первая?
- Первая «с».
- Ну, и что же вышло?!

Петя краснеет от напряжения и забывает буквы, которые уже распознал. Уф... Но тут мама зовёт пить чай, и Петя срывается с места и стремглав бежит от всех этих букв к столу. Слово остаётся непрочитанным.

18 декабря 2013 г.

День рождения папы

На «деньрождение» папы, в феврале, бывает так здорово! Приходят гости: Марьпетровна, Владимирваныч, Бакушинские и Полянские, Палниколаич с женой, которую все почему-то называют «Екатерина Великая», хотя она Лидия Алексеевна. Папа говорит, что Лидия Алексеевна на неё, на императрицу Екатерину, очень похожа. Все сидят за раздвинутым на три доски круглым столом, едят много вкусного и пьют красное и золотое вино, и даже водку, которая называется «Столичная». А вилки и ножи кладут на такие стеклянные маленькие гранёные колонны, – это чтобы не испачкать белой скатерти. А какие рюмки и стаканчики! Они не звенят, они поют! Папа говорит: «Баккара».

Немного поев, все оборачиваются к роялю. Папа играет, а Марьпетровна поёт сопрано: «Дремлют плакучия ивы, тихо склонясь над ручьом...» и «Не говорите мне о нём...» и много ещё. При этом она делает ужасно смешную гримасу и прижимает руки к груди. Иногда Владимирваныч тоже поёт красивым баритоном: «И мой сурок со мной...» А Александр Владимирович – худой, потому что он лечится голодом от всех болезней, говорит о «филёлёзии» и о «ёзях», хотя он математик.

Но в самый разгар праздника Валентина Константиновна, взглянув на Петю поверх тяжёлых очков, вдруг говорит папе:

– Давайте попросим Петеньку сыграть нам!

Валентина Константиновна – учительница музыки, даже мама у неё училась. Праздник съёживается страхом. Но играть надо, ничего не поделаешь. Петя послушно садится за рояль и играет инвенцию Баха и сонатину Клементи.

– Круглее пятый пальчик! – говорит Валентина Константиновна, – и большой не отставляй в сторону! – И, обращаясь к папе: – Ну что ж, Сейсаныч, есть успехи.

Петя соскакивает с табуретки и бежит на кухню к Фене. Там он сидит у плиты и болтает ногами и языком. Но вот звонят в дверь два раза.

– Это к нам!

Феня идёт открывать. Петя любопытствующее выглядывает из кухни. Пришла Бетя Львовна! И с ней Лена!! Ура!!! Бетя Львовна – директор папиной школы. Такое у неё смешное имя! Даже в деревне хозяйка называла её «Петя Львовна»! Она маленькая, кудрявая, с огромными карими глазами и янтарной брошкой на фиолетовом платье. Зато Лена – о! Лена – это Петина любовь! Она дочка Бети Львовны, она замечательная и в очках. И фамилия у неё совсем другая: не Мейтис, а Волкова. Лена разговаривает с Петей, как со взрослым.

Наконец, Петю смаривает усталость и клонит в сон. Баба Каня отводит его за шкаф и укладывает в постель. А гости, как ни в чём не бывало, продолжают громко и весело разговаривать, петь, играть на рояле... Но Петя уже не слышит: он крепко спит под ярким взглядом святителя Николая с тёмной иконы в кивоте.

19 декабря 2013 г.

Стаксель

Игорь, старший сын тёти Сони, решил сделать Петю настоящим мужчиной. Но как? Петя и так купался каждый день с утра вместе с папой, закалялся и даже немного гордился, когда хозяйки деревенских домов спрашивали папу:

«Ой, Саныч, ну куда ж ты малого тянешь? Ведь холодно!», при этом слово «холодно» они произносили с ударением на последнем слоге. А когда папы не было, то мама, «скрепя сердце» – (интересное выражение! Что, сердце скрипит?!) – тоже водила Петю купаться, что в тепло, что в холод. И даже есть фотография, где Петя в тубетейке и с полотенцем через руку, а мама в платье в горошек и морщится от ветра и холода.

Так вот. Игорь смастерил парусную лодку. Он, Игорь, мастер мастерить, он химик, и у него в квартире какие-то невероятные переплетения стеклянных трубочек. Но сочинение на аттестат зрелости Игорь писал на «свободную тему»: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», потому что литературы Игорь не знал, а интересовался только химией. У Игоря было насмешливое лицо, будто он знал что-то такое, чего не знал никто, по крайней мере, Петя.

Лодку Игорь выточил из бруска дерева, потом вырезал в днище паз и вставил в него киль, то есть такую фанерку, которая не даст лодке перевернуться. Ох... Дальше Игорь мастерил мачты и паруса из тряпочек...

Ну, наконец лодка была готова.

Пете надлежало за всем процессом следить, но он отвлекался на кудахтанье кур, на шум ветра, на звонкий бой дождя по железной крыше, на голоса тёти Сони и дяди Жоржа, такие мирные, беспечные, тёплые... И ничего не мог запомнить, что говорил Игорь.

А когда лодка была совсем готова, Пете надлежало выслушать урок от Игоря и запомнить названия всех парусов. Господи, как же это скучно, и зачем? Игорь говорил: «Вот стаксель, вот грот...» Но Петя не мог сосредоточиться на этих чужих названиях.

А завтра надо было «сдавать экзамен» Игорю! Кошмар, тюрьма! Скорей бы прошло завтра! Ну точно как поход к зубному врачу! И не убежишь...

Завтра наступило. Петя что-то лепетал Игорю... Потом пускали лодку в корыте с водой, но она накренилась и черпала воду передним парусом. Что было потом, Петя уже не помнил, так как на водохранилище начались лодочные гонки. Дул сильный ветер, и водохранилище сделалось тёмным, цвета «Умбры» или «Зелёной земли» – этими красками рисовал папа. И по коричнево-зелёным волнам плыли разноцветные парусные лодки. Красота!

20 декабря 2013 г.

Пижма

Если выйти из комнаты, которая и кухня, – где печка стоит, но она не работает, и две керосинки, вот на них готовится манная каша, жарят рыбу, кипятят молоко, – так вот, если выйти из маленькой комнаты, то можно споткнуться: там есть ступенька и темно совсем, а слева выход на террасу. На террасе стоит самодельный диван на чурбачках, которые подобрал папа. Здесь спит баба Каня, потому что в комнатах ей душно и нужен свежий воздух.

Окна террасы загорожены вьюнками. Весной, только приехав, папа начинает забивать гвозди и наматывать на них верёвки, чтобы вьюнки по ним лезли. Петя помогает, хотя не понимает, к чему все эти труды. Он залезает по толстой лестнице прямо к крыше террасы, шупает дранку. Дранка жёсткая и серая. И страшно высоты. Папа говорит снизу: «Полезай на крышу, оттуда видно водохранилище!» Нет. Страшно: вдруг соскользнёшь с дранки?.. И Петя осторожно спускается на землю, когда папа что-то говорит ему о Петиной крестной – Вале.

Но вот верёвки натянуты, папа отправляется пить кофе, а Петя садится на ступеньки террасы и начинает мечтать.

На той стороне водохранилища – деревня. Там живут люди, ходят куры (если посмотреть в папин бинокль), но Петя туда никогда не попадёт. Там поле, одинокий дуб, будто вышедший из леса погулять, там столбы высоковольтной линии... Как же хочется туда!

Но впереди палатка, где продают водку и сало. Петя видел однажды, как мужчина в кепке и сапогах купил гранёный стакан водки и разом выпил его, а потом ел кусочек сала, а продавщица высунулась в окошко и смеялась.

Ещё ближе – погреб. Это такое сооружение, как блиндаж, невысокое с покатой крышей, и главное – у него внутри: лёд! Лёд хозяйка запасает с зимы и покрывает его соломой, чтобы быстро не растаял. В погреб складывают продукты, которые папа и мама привозят из Москвы. Сначала просто открывают дверцу и кладут на солому, под которой лёд. А потом лёд тает, и хозяйка ставит в погреб лестницу, и в конце лета ставят продукты уже просто на холодную землю безо льда.

Петя мечтательно смотрит на погреб и замечает маму Алёши, мальчика, который снимает через стенку. Взрослые хотят, чтобы Петя дружил с Алёшей, но дружба не получается, потому что Алёша так похож на маму и на белый эмалированный кувшин с синими прожилками!

Гораздо лучше пойти за погреб, нарвать жёлтых шариков пижмы, растереть их и нюхать! И ещё полынь! В маленьком ведёрке из пижмы можно делать «мусс»...

Ещё хорошо сидеть за столиком под рябинкой и барынькой. Только если бы баба Каня не заставляла читать за этим столиком! А ещё лучше забраться на рябину и наблюдать сверху, как куры и петух ходят по грядкам. Но как пахнет мусс из пижмы! Это лучше всего!..

Вечером, когда солнце нагреет брёвна и все сядут на лавочку и прислонятся к ним, на полянке за огородом покажутся тётя Соня под руку с Жоржем. Они каждый вечер приходят играть в домино! Жорж не любит проигрывать, всё записывает и ставит «SOS» против проигравшего. А тётя Соня называет костяшку с двенадцатью чёрными точками – «Эйзенхауэр», а раньше называла – «Черчилль»! Смешно! Костяшки у Жоржа белые. Это здорово! Папа часто выигрывает, но за игрой не следит, а слушает радио, последние известия. Все пьют чай и расходятся до завтра. А Петя с мамой садятся на тёплые ступеньки крыльца и молчат.

Смеркается. Мычит корова Милка, тычась рогами в калитку. Марьстепанна идёт открывать. Милка шумно дышит и фыркает, Марьстепанна ласково материт её и отводит в хлев, там Милка жуёт сено и чавкает. Куры давно спят на насесте.

Папа выходит и показывает Пете звёзды: Арктур, Вега... Совсем холодно. За школой протяжно лают собаки. Пора идти спать. Окошко в кухне горит тёплым оранжевым светом. Завтра – купаться.

21 декабря 2013 г.

Картина маслом

И ещё что хорошо: это когда все ложатся спать после обеда! А Петя уже не ложится, он взрослый, ему позволяется не спать после обеда. Вот тогда наступает эта тишина! Тишина состоит в том, что взрослые не могут влиять на Петю, потому что они спят. Он делается совершенно свободным! И вовсе не нужно куда-то убежать из дома: он – хозяин здесь и сейчас! И этого довольно.

Петя берёт велосипед из сени, вытаскивает его на террасу, переворачивает и ставит на раму, открывает дверь во двор с видом на погреб, огород, палатку и водохранилище и крутит колёса, воображая себя капитаном корабля...

Но в конце концов послеобеденный сон одолевает его, и он прикладывается на диван, надеясь продолжить «плавание», но быстро засыпает и спит до тех пор, пока папа не зовёт его пить чай «со сна». Папа всегда так говорит, чем смешит Петю, так как ему слышится «сосна».

Но чай выпит, и папа ставит на табуретку ведро и велит Пете сделать рисунок простым карандашом.

Петя, между прочим, хотел было поехать кататься на велосипеде, но пыхтит над рисунком. Папа подходит, поправляет. Пете это очень не нравится, потому что после папиных поправок он теряет себя, хотя ещё и не понимает, что это такое. Вообще, это бесконечное рисование... То папа раздевается до пояса и говорит рисовать его торс в разных поворотах, то велит рисовать портрет (хорошо ещё, что в профиль!). Усы и нос выходят похоже, а вся голова – ну прямо как статуи с острова Пасхи!

А чтобы нарисовать портрет Лены Митрофановны, Петя тайно подкладывает под свой лист папин рисунок Лены и срисовывает с него. Получается очень здорово, и папа хвалит, а Пете стыдно, однако он так и не признаётся в обмане.

Но самое ужасное – это когда папа заставляет Петю учиться писать маслом! Ставит натюрморт, дает палитру, выдавливает на неё краски... Заливает в чашечки пинен, даммарный лак... И всё это грозит вылиться! И как это всё смешивать?

Натюрморт в конце концов написан с папиной помощью и даже красиво смотрится, но папа понимает, что масляная живопись – это не Петина стезя.

То ли дело носить за папой ящик с красками, смотреть, как он расставляет мольберт, ставит на него холст в подрамнике, а перед этим грунтует холст каким-то белым порошком и ещё чем-то... И вот – первый мазок! По чистейшему белому холсту! Папа всегда начинает со светлых тонов. Вот это радость, это интересно! А самому писать трудно и страшно.

В следующий раз Петя писал маслом через полвека с лишним. И получилось неплохо, но руки вспомнили тот натюрморт и тот страх.

22 декабря 2013 г.

Звуки

Говорят, что запахи невозможно запомнить, чтобы мысленно воспроизвести. Зато они сразу возвращают в то место и в то время, где и когда ты услышал их впервые. Такая получается «левитация» в пространстве и во времени. Вот и звуки тоже. А для меня, может быть, даже в большей степени, чем запахи. Но не все звуки помнятся, а почему-то лишь те, что слышал, когда был счастлив.

...совсем маленький стою возле огромного чёрного рояля, а папа играет вторую фугу из «Хорошо темперированного клавира» И. С. Баха. Я уже перерос то время, когда свободно заходил под рояль, но нагибаюсь и... о! там жёлтая дека с чёрными немецкими надписями, папины ноги на педалях и этот ни с чем не сравнимый гул! Когда папа кончает играть фугу, то можно легонько ударить снизу по деке и прислушиваться, как рояль отзывается далёкими криками безвестных и очень древних людей. Они что-то кричат на незнакомом языке... Папа вышел из-за рояля. Паркет блестит, и листья лимона отбрасывают на него легкие зеленоватые тени. Скрипит дверца комода. Щёлкают замки книжного шкафа, плоским металлическим звуком шлёпают ручки на его дверцах.

...вот я сижу на огромном диване с мягкими сизыми подушками, вернее, стою на коленях, облокотившись руками о письменный стол, и слежу, как папа проверяет школьные тетрадки и ставит отметки красным карандашом. Самое интересное у этого стола – ручки ящиков: если их поддеть, они потом так здорово позвякивают – первые два удара громко и медленно, а потом всё быстрее и тише! Этому меня научила баба Саня. Потому что письменный стол – её, она отдала его папе. Он женский (так она говорит) и красного дерева, и с зелёным сукном.

...бабушка укладывает меня спать после обеда. Моя кровать – за книжным шкафом, задняя стенка которого затянута серым холстом и увешана папиными рисунками в рамках и под стеклом. Я думаю, что спать не хочется, но из нашей кухни слышен говор соседей, звон посуды, лязг чугунных сковородок, урчание воды, спускаемой в уборной... Эти звуки то наваливаются крутой волной, то стихают и разбиваются на отдельные брызги. В них покой, мир, безопасность. Я не осознаю этого, но чувствую всем своим существом. И засыпаю. Потом, уже живя в отдельной квартире, я понял, что мне их недостает, что ДОМ без них – просто жилплощадь.

...«Широка страна моя родная» – звучат по репродуктору позывные. Это значит, сейчас начнётся салют! Но отчего так торжественно выпрямляется душа, отчего так гордо и тревожно сжимается сердце? Я не застал войны, родившись сразу после неё, и эти позывные не могут вызывать у меня память о сводках «Информбюро». Но в этих звуках – всё, в них то великое «Да!», на которое можно опереться, которое можно обнять, с которым, если взять за руку, то уже ничего не страшно. Папа гасит свет в комнате, я встаю на широкий подоконник, и мы смотрим салют. После салюта радио играет гимн, который почему-то похож на папу, когда я сижу у него на коленях, и он гладит мои светлые кудрявые волосы.

...«Муууэ! Муууа! МуууУУ!» – на разные голоса мычат коровы. «ММм!» – коротко, сурово и на два тона ниже отзывается бык. Стадо возвращается с пастбищ летним вечером. На дороге поднимается пыль столбом, и от топота сотен коровьих ног дрожит земля. Я подбегаю к калитке. За калитку хочется, но нельзя: там есть одна корова – она бодучая. Мама рассказывала, как однажды корова подняла её на рога и посадила на забор! – когда мама была ещё маленькой девочкой. «ЩЩёлк! шшьЩЁлк!» – хлещёт кнутом пастух, правда, больше для форса, чем по необходимости. А какая корова шла первой? Если рыжая, то завтра будет солнце, а если чёрная, то – дождь, а если белая с чёрными пятнами, то будут кучевые облака... За коровами идут мелкие: козы, овцы. От изб слышны голоса хозяек: «Борь-борь-борь-борь-борь!» или: «Каать-каать-каать!». И овцы с козами отвечают родным голосам: «Беее! Ммее!..» Стадо уходит, растворяясь в палевой пыли. Смеркается и заметно холодает.

...поднимаясь по каменным ступеням колокольни, вдруг услышал гудение мухи, и немедленно очутился в глубоком детстве, на лугу, лежа на порядком выцветшей зеленоватой подстилке с чернильным пятном. Подстилка раньше служила скатертью на круглом столе, и папа объяснял на ней математику Ивану Сергеевичу. Лето. Густо пахнет разнотравье. Греет солнце. По цветкам и травинкам ползают мелкие букашки, а надо мной проносятся майские жуки и гудят. Я лежу ничком, и моё тело блаженствует оттого, что подстилка защищает его от укулов прошлогодних сухих стебельков и можно на ней вертеться как хочешь. Далеко вверху шумят на ветру сосны, но у меня на подстилке ветра нет, только гудение майских жуков в тишине...

...солнце, белая, плотная, но не пыльная дорога, я за руку с папой спускаюсь с зелёной горы к заливу. Мы идем в Бухту Радости. Просто так: посидеть на обрыве, поглядеть на ширь водохранилища, на красную часовню в Чивере и жёлтую церковь в Осташкове. Высоко в небе тархтит одномоторный самолёт. Он летит не спеша, беспечно – так же, как идём мы с папой. Так же, как медленно идёт пароход, фырча и попыхивая синим дымком, так же, как медленно, смешно переваливаясь в колдобинах сельской дороги, плывёт по полю автобус. Видны только его остроносая мордочка и маленькие окошки, а колёса скрывает высокая трава.

...Арбат. Станция метро в виде красной звезды. Как выйдешь из неё, то со всех сторон охватывают разноголосые гудки автомобилей! Их так много – не то что у нас в Таганке! Какой же это праздник! Как весело слушать эти гудки: в них – Москва! Она представляется мне весёлой и беззаботной, как я сам.

...сквозь сон слышу: «Бум! Бум! Бум...» Это большой барабан! Из оркестра!! Демонстрация началась!!! В квартире непривычно тихо... Ах... неужели все ушли, а меня не разбудили? Быстро натягиваю что попало и – на улицу, в Праздник! Машины не ходят, и троллейбусы прижались к обочине. Слышны только весёлые голоса людей и шарканье шагов по асфальту. И приближающийся звук барабана!

– Ау! Ау! Ау-ау! – что-то кричат с трибуны райсовета, и колонна с красными флагами взрывается в ответ протяжным «Урааааау!»

Кто первый идёт? «Малолитражка»? «Серп и молот»? Нет – ЗИС. У него целый автомобиль едет! А вот какая шестерня крутится! Урааа! Впереди колонны медленно шествуют серьёзные дяди и тётки в красных лентах. За ними духовой оркестр. А в большой барабан бьёт смешной маленький лысый дядя!

На той стороне у парикмахерской продают мороженое! Надо туда просочиться между поющими и пляшущими демонстрантами... вон ещё оркестр – это от мясокомбината имени Микояна!

Папа и мама разговаривают со знакомыми и смеются. А потом мы идём завтракать кофе, пирогами с капустой и красной икрой.

24 декабря 2013 г.

Печка

Дрова хранятся под роялем. Уже немного, а раньше – Петя слышал это от папы – дрова занимали всё: от педалей до задней ножки. Но теперь есть батареи. Правда, их топят неважно, и приходится топить ещё и печку. Вот сегодня будут топить!

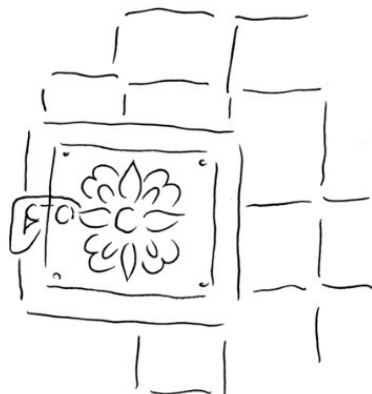
Папа вытаскивает несколько поленьев из-под рояля, и они с Петей несут их в коридор. Возле печной дверцы, совсем чёрной и с лязгающим засовом, папа кладет поленья на металлическую пластину и начинает рубить их на тонкие брусочки. Ловко так! Ставит полено на пол, на пластину, и легко бьёт небольшим топориком, оно и раскалывается.

– Убери руки! – строго говорит он Пете. – А то, не дай Бог... Я так себе большой палец чуть не отрубил во время войны. Видишь шрам?

Петя молча смотрит на палец, но мало что видит: в коридоре горит лишь одна лампочка. Но вот брусочки и щепочки нарублены, и Петя засовывает их в топку – это его работа.

– Давай сюда газету! – велит папа и подкладывает её между щепочек снизу. Потом чиркает спичкой: – Ну!..

Оба кочегара присаживаются на корточки и следят, как огонёк охватывает газету, потом щепки, чуть потрескивая. Петя боится и полслова произнести: вдруг погаснет?! В коридоре тихо-тихо. Папа тоже молча смотрит на пламя. Но вот послышался слабый гул, потом всё сильнее, сильнее. Пламя разгорается, и печка начинает шуметь и петь! Ух как здорово!

– Давай закроем дверцу, пусть огонь набирает силу! – говорит папа.

Чёрная дверца закрывается на засов, но сквозь щели в ней видно, как в топке играет оранжевое пламя. Папа встаёт на ноги, Петя за ним.

В большой комнате папа щупает рукой изразцы голландской печи. Они крупные, белые, и в них даже немного видно отражение, а отдушины и задвижки – медные. Но печка ещё холодная.

Петя бежит в коридор подложить дров и... ай! – засов-то у дверцы горячий.

– Возьми-ка варежку! – смеивается папа.

Ещё раз два Петя подкладывает дрова, и вот, наконец, папа из комнаты весело кричит:

– Всё, хватит, уже нагрелась, иди сюда!

Петя прикладывает руки к изразцам, но они только чуть тёплые.

– Нет, ты повыше пощупай! – советует ему папа и поднимает его за подмышки.

О! тут совсем другое дело: изразцы горячие. Папа становится спиной к печке и греет поясницу...

Постепенно воздух в комнате делается таким... Петя не знает, как сказать, что воздух становится добрым.

27 декабря 2013 г.

Пимен

Парадная лестница у нас особенная, думал Петя: сначала восемь ступенек, потом надо повернуть налево, пройти немного – и ещё шестнадцать ступенек. Это когда вниз идёшь. Перила узорные, с накладными коричневыми деревяшками, а в конце эта деревяшка загибается таким рогом, но он болтается, скоро отвалится, наверное... Ступеньки серые и могучие, прямо это видно, хотя местами они стёрты и можно поскользнуться.

Однажды Петя даже попробовал съехать по этим шестнадцати ступенькам на санках, пока никто не видел! Но санки скользили плохо, и к тому же шуму было много.

Внизу в парадной плитка – красная и жёлтая, тоже отлетела местами... Зато есть чёрный ход! В него можно попасть из кухни, там есть дверь слева от раковины. Мама иногда берёт с собой Петю на чердак вешать бельё. Мама несёт таз с бельём, а Петя свечку.

Чёрная лестница и в самом деле какая-то чёрная. Говорят, это потому, что по ней носили уголь. И перила чёрные и без узоров. Но главное то, что лестница винтовая! Если по ней спуститься до первого этажа, попадёшь на задний двор. Только там надо из двери прыгать, так как ступеньки снесли. А потом и дверь забили, и чёрную лестницу сломали и устроили на её месте ванну и новую уборную.

Но это было много позже. А сегодня Петя берёт санки и идёт гулять, потому что морозы кончились, на улице тепло: всего пять градусов. Взрослые говорят – это оттепель. Ага, значит, если пять градусов и идёт снег, то это оттепель. Во дворе действительно много снега, на сараях целые шапки, и даже надпись на красной стене завода «9 мая конец войны! Ура! Слава Сталину!» – и та припорошена пушистым снежком. Петя оглядывается, чтобы посмотреть, какие следы оставляют на снегу полозья и его валенки. Навстречу Пете идет Полковник (так зовут дядю в шинели и в очках).

– Здравствуйте! – Петю научили быть вежливым.

– Здравствуй, школьник! Молодец, школьник! Хороший школьник! А тот школьник – мерзавец! – говорит Полковник.

– Какой это «тот школьник»? – недоумевает Петя.

Но неважно: Полковник, как всегда, «выпимши». Такое слово Петя знает от няни Фени.

Впереди деревянный дом. Он двухэтажный, а дом, где живёт Петя и ещё один рядом – они трехэтажные и каменные, из красного кирпича, и между первым и вторым этажом по всему дому идёт такой красивый узор из кирпичей. У подъезда деревянного дома сидит на стульчике Примус. Примус – это старенький дедушка с круглым красным лицом и хитрющими глазами. Он уж точно Петю не пропустит, чтобы не спросить о чём-то.

– Доброго здоровья, молодой человек!

– Здравствуйте! – кивает Петя и хочет поскорее уйти, потому что Примус говорит очень медленно, высоким скрипучим голосом, но надо его слушать, просто так взять и уйти неудобно.

– Как поживают Ваши мамочка, папочка? Как здоровье Александры Ивановны? Кланяйтесь им, молодой человек. Вы уже скоро совсем студенты будете...

Уф... Примус любит ездить по монастырям, он очень богомольный, но папа как-то сказал, что он связан «с органами». С какими органами? Непонятно...

Наконец-то можно вырваться на волю, перейти Таганку и – в Маленький парк. Улица замечена ровным снегом и поэтому тихо, машины едут почти бесшумно, да их и мало совсем. Маленький парк – имени Прямикова, и на чугунных воротах его красуется огромный пионерский значок со звездой и костром из неё. Значок покрашен серебрянкой. Эти ворота открывают только летом, вернее, весной – на 1 мая. А так есть узкая и тяжёлая чугунная калитка с огромным кольцом, вытертым детскими руками. Петя открывает скрипучую калитку, прыгает

через три ступеньки, занесённые снегом, и... вот это да: Ленин-то в белой шапке из снега! Не сразу заметишь, так как Ленин выкрашен белой краской. Да...

«А однажды, недавно, Примус был в гостях у Владимирваныча из соседней квартиры через площадку» – вспоминает Петя. И сказал странную-странную фразу всё таким же своим скрипучим фальцетом: «Я был в Печорах и видел там будущего патриарха...» И добавил ещё какие-то странные слова совсем умильным голоском: «Сподобился... благодать...»

Его все наперебой стали спрашивать имя. Примус долго отнекивался и, наконец, произнес, совсем сощуривав свои узенькие голубые глазки: «Пимен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.